

Политическая элита России: современные механизмы рекрутинга

Аннотация

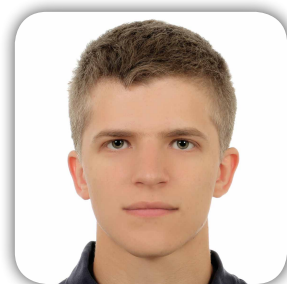
Темой данной статьи является рекрутинг политической элиты современной России. Сначала рассмотрена теория рекрутинга элит, способы, каналы, принципы. После описания истории рекрутинга российской политической элиты анализируется современный этап этого процесса с 1990-х гг. При этом рассмотрены особенности отдельных периодов (связанных главным образом со сменой президентов) и разных уровней (федерального, регионального и местного). Указываются проблемы рекрутинга и его дальнейшие перспективы.

Ключевые слова: политическая элита, рекрутинг, политическая сеть, патрон-клиентные отношения.

Автор

Гончаренко Ян Владимирович

Студент
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Термин «элита» является одним из основных в политической науке. В данной статье автор опирается на структурно-функциональный подход к определению элиты, согласно которому это «функциональная группа, представляющая собой совокупность индивидов, занимающих значимые позиции в социальных, политических, экономических институтах, позволяющие им осуществлять в современном обществе и его подсистемах интегративные и стабилизирующие функции¹ и, в связи с этим, имеющих возможность принимать решения по распределению основных общественных ресурсов» [5. — С. 127]. Рекрутирование политической элиты определяет состав политической элиты, а следовательно, ее

характеристики и политику по отношению к подвластному населению. Два основных типа рекрутирования политической элиты — открытый (антрепренерский) и закрытый (гильдийский). Открытый означает, что в элиту могут войти представители внеэлитных социальных групп: низших и средних слоев населения. Закрытый означает, что политическая элита воспроизводится только за счет своих представителей, почти не допуская в свои ряды извне. Как указывает Г. К. Ашин, «в процессе рекрутирования политической элиты важнейшие моменты — широта ее социальной базы, круг лиц, осуществляющих отбор элиты (селекторат), наконец, процедура, механизм отбора» [3. — С. 86]. Роль селектората могут играть как представители самой элиты (особенно высшей), так и внеэлитные слои, группы интересов и т. д. К каналам рекрутирования обычно

¹ Впрочем, элита может выполнять дезинтегративные и дестабилизирующие функции.

относят государственный аппарат, армию, политические партии, структуры гражданского общества, крупный бизнес. Роль тех или иных каналов рекрутирования различается в зависимости от конкретных политических систем и социумов в целом. Принципами отбора могут быть профессиональные и личностные качества, наличие социальных и экономических связей и ресурсов, популярность в обществе, происхождение, партийная принадлежность, лояльность и т. д.

Вопрос о рекрутировании политической элиты в российской истории встал сразу же после образования государства. Особенно это было важно в условиях необходимости поддержания контроля над большой территорией и отражения внешних угроз. Это требовало огромных усилий от народа и элиты. Рекрутирование политической элиты осуществлялось по принципу «временные привилегии — за службу государству» [4. — С. 44], причем привилегии были «пряником», поскольку государственная служба была тяжелой. На этих основаниях «формировалось боярство в Московском государстве, дворянство и имперская бюрократия в Российской империи, партийно-хозяйственная номенклатура в СССР» [4. — С. 46].

Современный этап в рекрутинге политической элиты России начался в 1990-е гг. В этот период она формировалась из нескольких источников. С одной стороны, это были выходцы из ранее господствовавшей партийной и комсомольской номенклатуры. С другой стороны, в элиту вошло много новых людей: интеллигенты, активно участвовавшие в неформальных клубах 1980-х гг., выходцы из академической среды и ученые, бывшие диссиденты, представители теневого бизнеса. Резкое ускорение процессов социальной мобильности и циркуляции элит, характерное для времени общественных трансформаций, проявилось здесь в полной мере. Одновременно в элиту проникло много случайных людей — представителей криминальных

структур. Однако впоследствии произошло восстановление старых практик. Как отмечает Г. К. Ашин, «рекрутирование постсоветских элит во многих отношениях оказывается слепком с номенклатурного рекрутирования. Именно поэтому постсоветскую элиту часто не без оснований называют неономенклатурой» [3. — С. 92]. Разрушение номенклатурной системы привело к хаотизации рекрутинга политической элиты, что побудило высшее руководство страны воссоздать некое подобие прежней организованной системы отбора кадров.

Омолождение политической элиты стало одной из главных тенденций в постсоветское время. Отчасти это было связано с естественными процессами, но главным образом — с кадровыми чистками. Также наблюдается сокращение доли выходцев из сельской местности в элите, связанное с падением доли сельских жителей в общей массе населения. Выходцы из Москвы и Санкт-Петербурга, обладающие наилучшими стартовыми возможностями, широко представлены в правящей элите.

Интересно, что изменились образовательные характеристики политической элиты. Если в советские годы люди с техническим образованием занимали в элите самое высокое положение, то теперь гуманитарии составили ее наиболее влиятельную часть, так как они более востребованы сегодня. Многие представители элиты имеют второе высшее образование, полученное после технического или военного для повышения своей профессиональной квалификации и/или престижа. Особую роль в подготовке элиты играют элитные вузы. Их роль определяется как качеством образования, так и наличием неформальных связей в правящей элите.

При определении способа рекрутирования политической элиты в современной России следует согласиться с А. И. Соловьёвым, что «основные отечественные механизмы элитарного рекрутинга благодаря широко развернутым медиапропагандистским проектам пред-

ставляют собой особый вариант гильдийской модели, „загримированной” под антрепренерскую». «Рекрутирование элиты превратилось в самовоспроизводство правящего класса, практически утратив связи с гражданским представительством» [7. — С. 104]. К тенденциям отечественного элитогенеза можно отнести теневизацию, этнизацию и профессионализацию [7. — С. 104–105]. Под теневизацией понимается рост непрозрачности, роли теневых технологий в рекрутинге элиты. Этнизация означает увеличение роли принадлежности к этническим и конфессиональным группам в рекрутинге элиты, причем как на федеральном, так и на региональном уровне. Профессионализация связана с ростом роли предыдущего профессионального опыта и профессиональных заслуг в рекрутинге элиты. В частности, это выражается в повышении роли государственного аппарата как канала рекрутинга. «Главными механизмами и технологиями элитарного рекрутинга сегодня являются кооптация, сделки (как результаты внутриэлитарного торга), протекционизм, попечительство („крышевание”), поддержание родственных, земляческих и неформальных связей» [7. — С. 105]. Различные политико-административные сети конкурируют за элитные позиции. Велика роль патрон-клиентных отношений и команд, сетевого менеджмента. Критерии профессионализма остаются слабыми, хотя наблюдаются попытки уменьшить влияние неформальных механизмов отбора (в частности, в рамках создания «кадровых резервов»). В целом неформальные критерии отбора преобладают над формальными, остающимися внешним обрамлением теневых практик.

С приходом к власти В. В. Путина в элиту стали рекрутироваться его бывшие коллеги — из спецслужб и из Санкт-Петербурга, которые стали оттеснять «семью» — наиболее влиятельную элитарную группу последних лет президентства Б. Н. Ельцина — и олигархов, образовав так называемый «ближний круг».

В 2000-х гг. О. В. Крыштановская предложила концепцию «либеральной милитократии», описывая бассейн рекрутирования политической элиты России. «Теперь в России каждый четвертый представитель элиты — военный, и их число продолжает возрастать» [6. — С. 158]. Под военными в данном случае понимались все выходцы из силовых структур, в том числе армии, МВД, спецслужб и т. д. Образовались сети силовиков, которые стали селектором в рекрутинге элиты, поддерживая бывших сослуживцев.

Подход О. В. Крыштановской подвергался критике российскими и зарубежными исследователями. В частности, Ш. Ривера и Д. Ривера на основании пересчета данных старых исследований и учета новых данных указывают, что «количество силовиков на важных позициях не было таким большим, как утверждалось прежде», но есть тенденция «увеличивающегося присутствия бизнеса в российской элите» [9. — Р. 126]. «Возможно, силовики стали господствовать в российском высшем политическом руководстве во время президентства Путина, но определенно не во всей элите» [8. — Р. 44]. Многие «силовики» уже много лет не служили в силовых структурах и усвоили психологию обычных граждан. Профессиональный опыт в силовых структурах у них был разный, и не все работали в классической позиции военного, исполняющего приказы вышестоящего начальства, не пересекающегося с «гражданскими» и т. д.

Также одними из каналов рекрутинга политической элиты стали партия «Единая Россия» и Общероссийский народный фронт. Общественные, культурные, научные и образовательные организации остаются слабыми каналами рекрутинга элиты. Возрастает роль религиозных организаций как канала рекрутинга в политическую элиту, что связано с усилением позиций традиционных конфессий в обществе.

Одной из главных тенденций рекрутинга элиты является плутократизация.

Формирование в России общества буржуазного (капиталистического) типа, в котором господствующим классом является буржуазия, предопределяет рост влияния бизнеса на политику и включение бизнеса в состав политической элиты. Можно говорить и о взаимопроникновении бизнеса и политической элиты: последняя использует свое положение для создания и развития своих фирм. Часты переходы между фракциями элиты, особенно между политической и экономической (принцип «вращающихся дверей»).

Президентство Д. А. Медведева принесло изменения в рекрутинг политической элиты. Роль силовиков уменьшилась, тенденции плутократизации и профессионализации стали более явными. Это наблюдается и по настоящий момент (2017 год).

Рекрутинг региональных и местных элит в значительной степени зависит от местной специфики: политической культуры, экономической системы, этноконфессиональных факторов. Политическая культура определяется наличием более демократических/авторитарных традиций, определяющих степень влияния населения на элиту. Экономическая специфика проявляется при наличии господствующих в местной экономике предприятий или фирм, что особенно заметно в моногородах и нефтедобывающих регионах Западной Сибири. В национальных республиках сложились более традиционные механизмы рекрутинга политической элиты, где ключевую роль играют преданность правящей группировке и ее лидеру и местничество.

Взаимосвязь федеральных, региональных и местных элит в России носит, как правило, односторонний характер. «Очень мало шансов имеет лидер местного уровня подняться в карьере на региональный уровень, а с регионального — на федеральный» [2. — С. 318]. Выстраивание «вертикали власти» в 2000-е гг. привело к подчинению региональных элит федеральным, а местных — региональным.

Большую роль, чем на федеральном уровне, в рекрутинге местных элит играет бизнес, финансирующий избирательные кампании кандидатов и партий или выдвигающийся напрямую. Смена регионального руководства приводит к существенным изменениям в составе региональной элиты и местных элит региона. Выстраиваются сети, идущие от федерального центра до муниципалитетов.

Создание Общероссийского народного фронта в 2011 г. обозначило новый этап в рекрутировании региональных элит. «Больше внимания стало уделяться рекрутированию в политику „людей из народа“, представляющих тот или иной регион и способных, по мнению кремлевских политиков и технологов, обрести популярность и влияние» [1. — С. 173–174]. Целью этого являлись укрепление власти федерального центра на местах и электоральные успехи. Схожая технология с теми же целями была применена в 2016 г. перед выборами в Государственную Думу, когда партия «Единая Россия» проводила предварительные выборы кандидатов в депутаты.

Роль демократических и правовых механизмов в рекрутинге политической элиты России невелика. Нарастает замкнутость элиты от остального населения. Выходцы из низших слоев населения обычно не имеют возможностей войти в состав элиты. Представители среднего класса могут быть рекрутированы в элиту, но их возможности сильно ограничены. Наблюдается тенденция к самовоспроизводству правящей элиты, аристократизму, когда выходцы из элитных семей уже сами занимают элитные позиции благодаря происхождению.

Возможно принудительное исключение из состава элиты из-за внутриэлитных конфликтов или (что реже) общественного давления. Высшее руководство страны, понимающее угрозу новой «революции вторых секретарей» из-за отсутствия продвижения в элите, предпринимает попытки ротации правящей элиты на местном,

региональном и федеральном уровнях. При этом механизмы рекрутинга остаются прежними. Можно предположить, что борьба различных сетей за назначения на властные позиции будет только обостряться.

Литература

1. *Подвинцев О. Б.* Попытка формирования новых политических элит в регионах РФ: цели, механизмы, результаты (2012–2014 гг.) // *Власть и элиты* / Гл. ред. А. В. Дука. — Т. 2. — СПб: Интерсоцис, 2015. — С. 171–189.
2. *Римский В. Л.* Социальные факторы выстраивания политических карьер и неэффективности управления в регионах и муниципальных образованиях // *Власть и элиты* / Гл. ред. А. В. Дука. — Т. 1. — СПб: Интерсоцис, 2014. — С. 318–329.
3. *Ашин Г. К.* Формы рекрутирования политических элит // *Общественные науки и современность*. — 1998. — № 3. — С. 85–96.
4. *Гаман-Голутвина О. В.* Метафизические измерения трансформаций российских элит // *Политическая концептология*. — 2012. — № 3. — С. 38–53.
5. *Дука А. В.* Институционализация политико-административной элиты в Санкт-Петербурге // *Полития*. — 2003. — № 2. — С. 126–149.
6. *Крыштановская О. В.* Режим Путина: либеральная милитократия? // *Pro et Contra*. — 2002. — Том 7. — № 4. — С. 158–180.
7. *Соловьёв А. И.* Российский элитогенез: универсальное и специфическое // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. — 2010. — № 3. — Том 3. — С. 99–112.
8. *Rivera D. W., Rivera S. W.* Is Russia a militocracy? Conceptual issues and extant findings regarding elite militarization // *Post-Soviet Affairs*. — 2014. — Vol. 30. — № 1. — P. 27–50.
9. *Rivera S. W., Rivera D. W.* The Russian Elite under Putin: Militocratic or Bourgeois? // *Post-Soviet Affairs*. — 2006. — Vol. 22. — № 2. — P. 125–144.